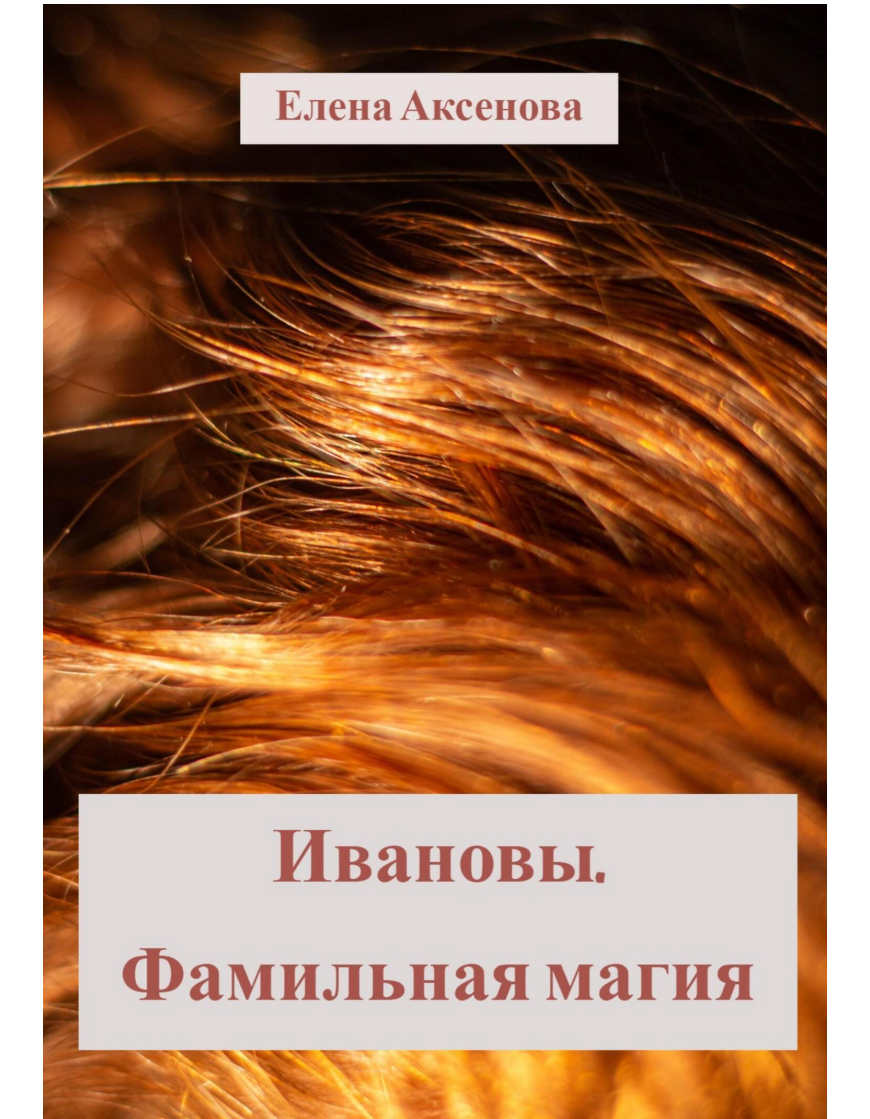

Елена Аксенова

**Ивановы.
Фамильная магия**

Елена Михайловна Аксенова

Ивановы. Семейная магия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69234340

SelfPub; 2023

Аннотация

Быть кем-то, кем ты не являешься, любить каждый день. Ивановы дышат роскошью и уверенностью. И это автор им не может простить. Что из этого выйдет и можно ли стать частью не своего мира?

Содержание

Прежде всего	4
С чего все начиналось	5
Случай	15
Лучшее предложение	29
Новое начало	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Аксенова

Ивановы. Семейная магия

Прежде всего

Про самоубийц говорят: он не мог этого сделать, у него были планы. Понимаете? Планы! Самоубийца разве может думать о том, какие шторы купить в гостиную? Кого пригласить на день рождения второго ребенка? Куда поехать в отпуск? Нет, конечно, нет! Он то и дело представляет себя мертвым. На бельевой веревке балкона, в кровавой ванной с опустошенными венами, на кровати с пеной от таблеток. Он никого не любит и ничего не ценит. Он самоубийца, поклонник Сатаны, который шипит при виде церкви.

Но смею заверить вас, господа, что тупая вера в собственные силы заставляет самоубийц двигаться вперед в своем сознании. Так ведь все нормальные люди делают, правда? Ходят на работу, моют полы, обсуждают коллег. Надо улыбаться, надо любить, надо строить эти чертовы планы.

А потом наступает момент, когда самоубийца сидит один в начищенной Доместосом ванной и понимает, что все эти планы, привязанности и прекрасные впечатления – иллюзия, за которой прячется единственная правда: пустота.

С чего все начиналось

Впервые я встретил Ивановых на берегу Черного моря. Удивительно рыжие, как само солнце яркие, завораживающие. Я смотрел на их крепкие тела в купальных костюмах, на их ровные улыбки и мне мечталось быть частью этого клана. Богатые, вальяжные, статусные. За место любого из них простые смертные отдали бы что угодно. И я тоже. Я. Незаметный, не харизматичный и до ужаса будничный. Я стоял напротив этих солнечных лучей и грелся о их красоту.

Тогда я впервые увидел Веронику. Невысокую, фактурную, не старше двадцати лет девушку с глазами самого дьявола. Ради таких женщин стрелялись на дуэли, с улыбкой вбегали на эшафот, захватывали города и рушили устои. Как говорится, “в раба мужчину превращает красота”. Эсмеральда без цыганского напыления, Кармен без грязного прошлого, Дон Жуан в бикини. Ах, если бы я тогда только знал...

Я был в ежегодном отпуске и на скопленные деньги позволил себе чуть больше, чем позволяет рядовой редактор скромного издания. Если бы не пара удачных авторов, за которых я получил кое-какую премию, вряд ли бы эта книга была хоть когда-то написана.

Кто-то творит, потому что это интересно, а кто-то, потому что не может этого не делать. Я убежден, что только вторые способны породить настоящие шедевры.

У меня самого дара не было. Я не романтизировал свою заурядность, потому что мне хватало мозгов ее осознавать. Гениям вся вселенная помогает захватить свой шанс, добиться признания. Но я, Георгий Морозов, самый тривиальный житель земли, обреченный понимать свою природу.

Почему же я решил из теоретика стать практиком? Да просто потому, что эта история заслуживает остаться на страницах если уж не печатной книги, то хотя бы электронного документа Word. Эти люди жили, дышали, любили и ненавидели. И я был свидетелем их подлинной, первобытной страсти, на которую сам, к своему стыду, никогда не был способен.

Так вот, Вероника, рогатый ангел, спустившийся с кровавых небес, чтобы попасть в меня мечом для волейбола и кокетливо попросить его принести. О, Боже, да если бы она захотела, я бы принес ей голову Ксении Собчак на золотом блюде. Таким шармом обладала эта девушка.

Конечно, как и любой уже не юный мужчина, я надеялся, что ее заинтересовал мой воображаемый опыт. Однако мяч был просто мячом, получив который она отвернулась к сетке и больше не взглянула на меня. Никакого “спасибо”, никакой улыбки. Будто я муравей, которого невозможно заметить на земле с высоты человеческого роста. Я бы хотел с ней познакомиться, но природная гордыня сберегла меня от неловких фраз. Надев паленные очки Dior, я вернулся на свое место и больше не поворачивался в ее сторону.

Прошло два мучительных дня, прежде чем я снова увидел это огненное семейство на пляже. Видимо, они были заняты более интересными делами. Их деньги добавляли в жизнь остроты, мои же просто не позволяли мне скопытиться. С этими мучительными мыслями я наблюдал за Вероникой в новом белом купальнике. Густая копна ее рыжих волос плавно качалась в такт движениям и, если есть в мире что-то прекраснее длинных женских волос, то этого нет.

Так как эту книгу я по праву считаю своей, позволю себе небольшую ремарку. Вам, возможно, интересно, почему я так уверен в состоятельности своих кумиров. Видите ли, достаток, как и счастье, подсвечивает человека изнутри. Человек, который никогда (именно никогда) не смотрел на щеки, пылает самой настоящей силой. Эта заразительная уверенность ставит на колени простушек из Саратова, получивших разными путями кое-какой капитал, но так и не сумевших вытравить из себя внимание к красным бумажкам.

К сожалению, нельзя покрыть годы бедности парой хорошей обуви. Деньги видны в каждом вашем зубе, в каждом слове, в каждой эмоции. Бедные и богатые мыслят разными категориями, образами. Мы никогда не будем равны, и будет лучше вам смириться с этим поскорее. Ни к чему нам еще одна революция, правда?

Но вернемся к сути. За те дни, что ее не было, я перебрал сотни вариантов нашего знакомства, включая разыгранное утопление с моей стороны. Я думал снова и снова о возмож-

ных вариантах действия. Что мне делать, как быть? Сейчас или никогда, сейчас или никогда! И судьба сжалилась надо мной.

Анна, двоюродная сестра Вероники, узнала, что я редактор в издательстве. Как и многие домохозяйки, имевшие бурную деятельность в прошлом, она отчаянно пыталась найти пути самореализации в декрете. Писательство казалось не самой сложной задачей, особенно если у вас самомнение размером с дирижабль.

Она подошла ко мне, покачивая на руках хорошенького младенца. С удивительно подтянутой фигурой и отсутствующей усталостью на лице. Я сделал вид, что не взволнован.

– Извините, – присев на соседний шезлонг, начала девушка. – Вы ведь редактор в издательстве “Честная книга”?

– Да, – я снял очки. – А откуда вы узнали это?

– Если вы когда-то работали в бизнесе, то система “я – вам, вы – мне” всосалась в кровь и нервно прокуривает совесть, – ее губы в красной помаде растянулись в нервной улыбке. Она хотела выглядеть неуверенной, может, смущенной. Но я редко встречал настолько бесстыжих особ. Ребенок преме́рзко ковырял свой нос. – Так вы тут один?

– Совершенно, – я заметил, как рыжебородый мужчина лет сорока напряженно посмотрел в нашу сторону. – А вы нет.

– А я нет.

Впервые я не видел в женщине с младенцем репродукцию

Мадонны. Анна, которую я бы никогда не решился назвать иначе, держала своего ребенка как сумку, не слишком дорогую, купленную по той самой красной бумажке, выдающую в ней простушку. Я знал, что она способна вить веревки из самых крепких орешков, но ее сестра уже зажала меня в тиски. Поэтому я позволил ей болтать о погоде, о городе, о море. Слушая вполуха, я размышлял, как бы мне напроситься на более тесные приятельские отношения. От природы глупым меня не назовешь, и, если эта женщина через кого-то узнавала про возможные случайные встречи с редакторами, она нуждалась в их правильном решении. А я нуждался в шансе на лучшее завтра.

– Вы так интересно рассказываете, Анна, вам бы книги писать, – врал я, не стыдясь.

– Правда? – попалась она. – Я, конечно, слышала это раньше, но не от профессионала вашего уровня, – я был разочарован дешевизной лести. Не от такой женщины. – Знаете, у меня сейчас есть кое-какие наброски...

– Хотите, чтобы я взглянул? – безопасный вопрос, у нее нет ни строчки.

– Обязательно, когда-нибудь, не сейчас. Есть несколько сильных моментов, которые требуют доработки.

Халтурщица, не способная отдать себя на растерзание миру. Писателем ей не стать даже после воскрешения Христа и всех апостолов. Дальше она понесла всю эту чушь, которую приписывают авторам, которую они сами себе приписыва-

ют. Долгие рассуждения над каждым словом и точкой, будто потягивая виски можно напиться. Тексты выходят залпом, а потом долго портятся угрызениями совести. Редактура – вот, что лишает нас подлинных эмоций, оставляя огрызки яблока для утоления голода. Зато криво никто не посмотрит. Творчество топят в профессионализме.

– Может, пообедаете с нами? – она выглядела любопытной и почти очарованной.

Я, конечно, никогда не производил эффекта на женщин, поэтому купился с радостью на эту симпатию, пусть даже временную. В приличном обществе свои законы, о которых мне, как человеку скромного достатка, было мало известно. Я представлял их с омарами и черной икрой, в окружении слуг. Стереотип? Более чем. Но право, я был не далек от истины!

За обеденным столом расположился салат с зеленой жижей, много сочетания мяса со сладкими фруктами, ничего существенного и привычного. Я сразу прикинул свои 100% шансы уйти голодным, но заинтересованным.

Первым ярким пятном на веранде в тени деревянной крыши была Вероника. Рыжая и еще более впечатляющая, она раскинулась напротив меня в белоснежной рубашке поверх своего крошечного купальника и расстегнула пуговицы почти до пупка. Зеленая жижа то и дело падала ей на грудь и если бы я когда-то рискнул это попробовать, то...

Но не будем об этом, ведь в тот момент я узнал, что ей

всего 17. Про статью мне любезно напомнила Анна, которая явно ревновала окружающих к красоте сестры. Женщины и их бесконечное соперничество за внимание.

– По обоюдному согласию с 16 лет, крошка, – парировала Вероника и сердце мое подпрыгнуло в надежде. Если бы она действительно хотела быть со мной, а не уколоть сестру.

Анна села на соседний стул, чтобы вдоволь поговорить о литературе, в которой совершенно не разбиралась, но очень хотела бы. Пока я пихал себе в рот мягкие булочки, представляя жирный бургер с картошкой фри, и старался не облизываться на девушку напротив, ее родственница плела ахинею о Достоевском и Толстом, о которых, кажется, совершенно не имела собственного мнения. Я слышал выдержки из Википедии и общедоступных сайтов, такие очевидные, такие общеизвестные, что мне становилось лень изображать учтивость.

Рыжебородого мужчину, которого я заметил еще на пляже, звали Игнат, и он не был душой компании. Такие люди привлекают своей болезненной замкнутостью, ведь все мы с детства очарованы загадками и тайнами. Я, будучи взрослым человеком, понимал, что за такой холодностью прячется целая гора комплексов и обид. Но все та же первородная сила любопытства подталкивала меня к диалогу с ним, тему которого я так и не придумал. Наверное, он занимается арт-хаусом и серфингом.

Во главе стола расположилась единственная светловоло-

сая женщина. Агния, как мне представила ее Анна, старушка, даже не повернула голову в мою сторону. На ней были огромные очки Chanel, белый льняной костюм и высокомерие, которое вряд ли обрадовало бы хоть кого-то. Но меня да. Два пустых стула по бокам. Собственные родственники были не готовы приближаться к ней. Не думаю, что ее это волновало. Она восседала с бокалом мартини, читая на ноутбуке фруктовой фирмы последние новости большого бизнеса. Я облизнулся при мысли о такой пенсии.

Вежливый человек, я считаю, был обязан поинтересоваться, все ли ему рады. Может, завести светскую беседу о погоде или политике. Но в этом мире роскоши мне не хотелось быть собакой, кланчащей угощения со стола. Я хотел быть одним из них, наглым и рыжим, выше, чем общие правила.

– Как я мечтаю пожить во времена Пушкина, чтобы кружиться в бальном платье и читать лирику, – Анна усердно напирала на меня своим мнением. Хотела, чтобы я отработал приглашение. – Вы считаете, сейчас возможно пробиться талантливым людям без связей?

– Вряд ли Пушкин со своим титулом не имел связей, – повернулся к ней я.

– Верно, верно.

– Черт бы побрал этих арабов! Они опять играют с ценами на нефть! – Агния ударила кулаком по столу, отчего платиновая цепь крупного плетения у нее на груди подпрыгнула. – Аня, хватит чесать языком. Позвони своему мужу, мне сроч-

но нужно собрать акционеров. Я не собираюсь ждать еще ни одного мгновения! Мы купим Halil Inc. прямо сейчас!

— Да ведь у тебя есть его номер...

— У тебя детская присыпка вместо мозгов? У меня нет времени даже договорить это предложение. Я возвращаюсь в Москву. Вы можете и дальше наслаждаться моими деньгами, но я не занимаюсь благотворительностью! Поднимите свои жопы!

Я и сам был готов встать под ее гнетущим взглядом, такой энергией обладала эта дама. Поэтому вовсе не удивился, что даже прекрасная Вероника покинула трон и побежала в сторону виллы. Анна пожала мне руку и энергично заверила в приятности нашего знакомства. Она впихнула мне визитку, старую, потрепанную, видимо, очень долго ждавшую возможности показаться. На ней была надпись: “Анна Иванова, главный специалист по финансовым рискам ООО “Росконсалтинвест” Внушительно, но не актуально.

Значит Агния разрушила все принципы женского кодекса и расстроилась, что ее внучка выбрала семью, а не карьеру. Из всех сидящих за столом бизнесменом была только она. Не нужно быть психологом, чтобы понять, каким складом обладают твои приятели. Игнат витал в облаках, явно творческая личность, терпящая того, кто умеет зарабатывать хлеб, ненавидящий руку, которая его кормит. Вероника слишком занята своей персоной, очевидно выше работы. Хотя, как я понял из короткого диалога, их семья была куда больше, чем

осколок, увиденный мною.

И я решил стать пазлом в этой мозаике.

Случай

Москва раскинулась летом, как вальяжная дама среднего достатка своими искусственными бриллиантами. Я редко пил кофе вне дома, скромная зарплата в большей степени уходила на аренду и первичные нужды. Но сегодня пришлось немного раскошелиться и выбрать для бранча (популярное нынче слово) модное местечко с Медузой Горгоной на логотипе.

После отъезда моих драгоценных приятелей я не терял времени даром. Конечно, нужно было наслаждаться солнцем и морем, но даже в теплых волнах я не переставал думать о Веронике и ее родственниках. Одного мучительного дня было достаточно. Я закрылся в номере и изнасиловал интернет. Именно тогда у меня появился профиль в сети.

Чтобы себя не выдать, я заполнил информацию от лица девушки, ровесницы Вероники, и подписался на нее. И вот, что я хочу сказать. Если вы запрещаете мужчинам желать 17-летних девушек, то запретите им оголяться похлеще любой проститутки в борделе. О, господа! Ее профиль пестрил обнаженными фотографиями, вульгарными позами и разными изгибами. Я не знаю, какой мужчина мог бы устоять только потому, что ей не хватало меньше года до совершеннолетия.

Однако моим билетом в дом Ивановых была вовсе не Вероника, а ее сестра Анна. Конечно, я бы не смог выдер-

живать ее слишком часто, но для начала достаточно было подтвердить наше знакомство случайностью. Я проверил ее профиль, по геоданным она бывала в этой кофейне каждый вторник, когда водила старшую дочь на балет. Благослови Господь социальные сети!

Я не прогадал. Всего через 5 минут после того, как я открыл ноутбук и надел рабочие очки, в помещение впорхнула Анна с красными губами и ключами от машины в руках. Сколько же стоит парковка в центре города? Попросила латте на миндальном молоке без кофеина, я улыбнулся, но тут же вернул лицу сосредоточенный вид.

– Георгий?! – она подошла к моему столику. – Какая встреча!

– Да уж, – "удивился" я. – Не такой уж сюрприз, найти писателя в кофейне, но вот редакторы ходят сюда куда реже.

– Вы один?

– Традиционно.

Я жестом пригласил ее занять барный стул за жутко неудобным высоким столиком. И как только эти блогеры проводят полдня в таких заведениях? Вспомнилась фраза: "Стулья у вас деревянные, а жопа у меня не железная". Видимо, все сделано для того, чтобы человек не подумал задержаться чуть дольше, чем ожидается.

Не буду вдаваться в подробности нашего будничного разговора, но в конце концов мне удалось зацепиться за день рождения ее младшей дочурки прямо в эти выходные.

– Если вы позволите, я бы заехал поздравить вашу куколку.

Важный совет: хотите заполучить расположение мамы, делайте вид, что обожаете ее детей не меньше ее самой, а лучше больше. Тут переиграть очень сложно, поскольку почему-то даже самые умные женщины не рациональны в вопросах талантов своих маленьких ксерокопий. Ах да, небольшая пометка: я терпеть не могу детей. Киньте уже в меня камень и читайте дальше.

– Мы будем только рады! Праздник начнется в 3. Вишлист прилагается.

Ее глаза как два вырезанных куска неба, обреченные на слишком низкий полет, манящие узники. В тот момент она казалась мне почти красивой. С этими кошачьими повадками и все также равнодушно опущенными грудями. Женщина, как она есть.

Вот так я получил заветный адрес семейства Ивановых. Конечно, загородный особняк. Вишлистом назвали список подарков, я загуглил парочку, все не меньше 50 тыс. Рубль в рубль моя зарплата за месяц. Покупать это я, конечно же, не буду.

Назначенный день выдался солнечным, поэтому я взял брендовый костюм в прокат, оставив в залог почти все свои накопления, и вступил на святую землю. Землю богатых и знаменитых. Место, где классовое неравенство не прикрывается демократией, где каждый знает свое место. Турецко-ин-

дийские сериалы научили девушек мечтам о том, что принц может заметить Золушку, где бы она не пряталась. Уборщица, секретарша, стриптизерша. Все имеют право на персональный хэппи-энд. Жизнь, конечно, куда прозаичнее. Если вы работаете на кассе супермаркета – вы предмет интерьера. Неравные браки случаются редко, а счастливыми они бывают еще реже. Потому что после того, как налет запрета стерт, а вам предоставили комфортную жизнь в покое, становится очевиден разный масштаб. Я говорю о масштабе личности. Девушка, с детства видящая пьяного отца и задерганную мать, никогда не сможет избавиться от неконтролируемой агрессии в адрес пьяных людей. Это вам пример. Пример шрамов, которые вбиваются в нас с такой силой и точностью, которые мы можем высветлить и спрятать. Но они остаются глубоко в костях, пускают корни, отравляют нам жизнь до самой смерти. Все, что заставляло нас улыбаться, все, что заставляло нас плакать, все, что мы любили, все, что ненавидели – эти застывшие образы, меняющие нас бесповоротно. Искалеченные дети, свои собственные заложники, свои спасатели.

Но я отвлекся. Такси комфорт-класса предполагалось взять прямо на автобусной остановке, но оказалось, что в элитных поселках свои правила. Меня не пустили на территорию верхом на желтом коне. Мысль о том, что я мог сэкономить 400 рублей будет терзать меня всю следующую неделю.

– Вас нет в списке, – мужчина в солнцезащитных очках обвел меня сомнительным взглядом. – Свяжитесь, пожалуйста, с пригласившим вас лицом. Нам нужно подтверждение визита по внутренней системе безопасности.

Я провел 20 минут в попытках дозвониться Анне. Представлял, как она бежит между столами со своими красными губами и искрящимися от удовольствия какого-то движения глазами. Я ее ненавидел за это унижительное чувство, за ее беспечность.

– Открой ворота, – крикнул мужчина своему товарищу.

К забору приближалась ярко-красная машина с Вероникой за рулем. Сначала я не поверил своим глазам. В нашей стране права выдаются с 18 лет, так какого черта? Хотя, кого я обманываю. Деньги – это ключик от многих закрытых дверей.

За секунду пришло решение. Мне была необходима эта возможность, этот праздник, и я кинулся ей под колеса. Она среагировала лучше, чем я ожидал, бросила руль в сторону и дала по тормозам. Ее красивое лицо исказила не менее привлекательная злость, она открыла окно и покрыла меня отборным матом.

– Вы его знаете? – охранник нахмурил свои непричесанные брови и шагнул ближе ко мне.

– Нет!

– Да...

Не знаю, взгляд этого мужчины без высшего образования

оскорблял меня больше или тот факт, что девушка моей мечты не узнала меня. Но все притязании своей гордости я спрятал в шкатулку. До поры до времени буду складывать туда все свои обиды и горести.

– Как же, присмотрись! – я встал к ней ближе, но ее глаза не выразили хоть какого-то проблеска. – Вспоминай, мы обедали вместе на курорте.

Последнее слово вызвало у нее волну смеха, я прикусил язык. Да, так говорят только старики, немодные и неперспективные. Пока не все было потеряно, я рассказал ей про Анну, про приглашение, про то, что не могу ей дозвониться. Она вытащила фруктовый смарт и через пару секунд давилась смешком в разговоре. В моей голове я бил ее лицом об асфальт до тех пор, пока от него не осталось кровавое месиво. Это моя творческая фантазия штурмовала края нормы и не выплескивалась. Я был терпелив, я ждал.

– Да, он приехал к Ане. Она с трудом, но вспомнила его.

Я принял этот укол в качестве шутки, по крайней мере внешне. Но эта нахальная девица не подумала проявить учтивость. К сожалению, на воспитание нужно время, а у богатых его вечно нет. Вот и получают всякие Вероники, которые в 17 лет ездят на дорогих тачках и считают Богом Джареда Лето.

До нужного адреса я шел пешком, оценивая красоту пейзажа. Куда не глянь – отблески роскоши. Модные особняки, дореволюционные дворцы. Безвкусная эпопея самых разных

уровней денег, но неприлично больших денег. Мне до такого было не дотянуться, мне хватало мозгов понять это. Конечно, есть люди (как, например, мой покойный отец), которые утешают себя сказкой о том, как спокойно им спится от своей честности. Они презирают богатое ворье, потому что не способны наворовать столько же. Или хотя бы половину. “Если Бог тобой доволен, Гоша, все остальное приладится. Добро всегда воздается добром!” К слову сказать, Бог наградил его раком желудка и нечеловеческими страданиями, поскольку моя маманя не смогла найти презренное золото, а обезболивающие стоят не так уж и мало.

То, что я увидел на территории, принадлежавшей Ивановым, было бы оскорбительно назвать домом. Это был настоящий дворец, осколок царской России, величавый и устрашающий. Кем был я, если бы рос в таком месте? Чего бы я мог добиться с таким стартом? Уж точно не кучки сопливых детей и помятой старой визитки.

Анна упорно меня не замечала, обхаживая каких-то светских куриц. Их мужья, их любовники, дышащие изобилием, собирались в кучки и громко хохотали. Американский фильм в русских реалиях. Мне это было по вкусу.

Я прошел под навес, где (как я предварительно рассчитал) располагался стол с разными по габаритам блестящими упаковками. В моих руках был праздничный пакет, который я упорно светил перед гостями, чтобы нагнуться в самом подходящем месте и аккуратно сложить его в нагрудный карман.

Не переживайте, ребенок даже не заметит.

Выйдя из своей удачной позиции, я наткнулся на Игната, который недоверчиво осматривал мой костюм. Естественно, он в своих высоких чувствах не чурался пользоваться лучшими магазинами Москвы, но так небрежно, что это выглядело тягостным бременем. Я уже знал, что он был художником, не признанным ни критиками, ни общественностью. И виной тому жизнь, которую большая часть себе позволить не может, но очень хочет. Конечно, вы услышите громкие фразы про саморазвитие и реализацию личности. “Счастье не в деньгах!” – будут кричать они, провожая взглядом чью-то Ferrari. Прошу отметить, что я честен в своем тщеславии и никогда не скрывал его по крайней мере от себя.

И вот в это логово завистников додумался ступить Игнат. Наивный, наверное, либо глупый (хотя я так и не понял, в чем отличие этих понятий).

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Анна пригласила на праздник, мы случайно столкнулись в кофейне на днях.

– Она вечно тащит в дом кого попало прямо с улицы.

Мда, семейка их явно не пыталась быть приятной. Оскорблять людей, зная, что они продолжают вам улыбаться. Смотреть свысока. Заносчивые задницы с душами на банковском счете. Убийственное очарование.

Мне так и не случилось познакомиться хоть с кем-то, поскольку вся эта компашка, видимо, знала друг друга очно

или заочно. Передо мной мелькали лица с экрана телевизора, но я не помнил ни одного имени. Дело в том, что моя память работает как лучший архивариус и на входе фильтрует информацию. Чаще всего я не помнил название рукописи, которую читал на прошлой неделе. Авторы, горячо жавшие мою ладонь, удивлялись, когда я не здоровался в магазине. А ведь я просто не помнил их, от слова совсем!

Но в тот момент, когда прозвучал легкий звон удара вилки о хрусталь, я понял, что нас приглашают закончить с аперитивом и приступить к обеду. Скажу честно, я был взволнован, ведь меня почти наверняка забыли включить в рассадку, да и меню обещало быть специфичным. Но к счастью, организатор праздника, молодая брюнетка с кофейными глазами, была профессионалом до мозга костей. Не найдя меня в общей схеме, она тут же указала пальчиком на запасной стол в самом углу зала. Место не почетное, но ведь и я только начал.

Великие говорят: если хочешь чего-то по-настоящему, вся вселенная будет помогать тебе в исполнении желания. Я до сих пор приписываю это страсти, с которой я смотрел на Ивановых и на тех, кто их окружал. Я верил, что этот мир мой по праву характера, а значит когда-то я стану его частью. Но пока слабые раскидывали шансы, уповая на волю Божию, я хватал обстоятельства за хвост, чтобы сделать их своей лестницей к небесам.

Но даже моя бурная фантазия не смогла бы подкинуть

шанса лучше, чем тот, что выпал мне с легкой руки судьбы-матушки.

Обед проходил утомительно скучно, поскольку гости травили тосты с историями, над которыми все хохотали, кроме меня. Биржевые взносы, крикет, девальвация, аннуляция... Казалось, я единственный не в силах понять всех этих определений и того, как это восхищало окружающих. Я хотел хотя бы отбить аренду костюма и дорогу обедом. Но всевозможные паштеты и мало привлекательные жижи (суп-пюре из белых грибов со спаржей и веточкой розмарина, как красовалось в карточке гостя), полусырая говядина и сопли в ракушке лишили меня и этой возможности.

Я дождался смены блюд, чтобы выйти из-за стола и пощеголять подальше. Лезть в дом сразу было опасно, поэтому сначала я понадеялся на привлечение внимания в качестве одинокого романтика, слоняющегося взад-вперед. Ну и, конечно, интересно было узнать границы таких владений.

Рядом располагался хвойный лес, аутентичный, как показала моя не экспертная оценка, или, по крайней мере, хорошо под это закошенный. Я отметил, что богатеи даже природу умудрились причесать. Среди деревьев не встречалось первородной пыли деревни, так что туфли мои остались чистыми.

Не могу сказать, сколько времени мне понадобилось, чтобы заметить маленькую мулаточку, одиноко плескавшуюся в воде. Я сам был не из тех детей, около которых крутятся

взрослые и ровесники. Меня не трепали за щеки, не умилялись прической. Неприметный отпрыск семьи Морозовых, неказистый мальчишка, слишком пейзажный.

Это крошечное создание не вписывалось в картину идеальности рыжих Ивановых. Я не заметил на приеме ни одной темнокожей пары, более того, я не видел даже представителей куда более близкого нам Кавказа.

В наше время тебя пытаются ухватить за любое промедление, чтобы приписать тебе какое-то серьезное грехопадение. Чтобы не стать педофилом, я прошел чуть дальше по дорожке, но проведя там пару минут, остановился в своем счете камней и повернул обратно.

Никто не замечал моего отсутствия, моего присутствия. А значит моя цель оставалась все такой же недостижимой. Все, что я получил от этого бестолкового мероприятия – головная боль от жары и голода. Чертов костюм лип к телу, я скинул пиджак и аккуратно накинул его на плечо, придерживая небрежно средним пальцем. Как бы мне сюда вписаться, как бы мне стать частью этой истории.

Мудрые говорят, что пути Господни неисповедимы. Я лично не трачусь на свечи и образы незнакомых людей, но если не высшая сила, то судьба подкинула мне следующий случай. Мулаточка, которую я недавно видел, отчаянно плескалась недалеко от берега. Я не был героем, но быстро смекнул, что для взрослого человека там приемлемая глубина, а спасение утопающих отлично впишется в мой благо-

родный образ. Поэтому я ринулся в водоем, схватил крохотное тельце и быстро рванул к берегу. Тут я могу быть честным: как прагматик, я скинул с себя всю фирменную одежду, представляя, чем мне грозит ее порча. Глубина там была мне по плечо, но из-за паники она вполне могла не доплыть обратно.

Я почувствовал себя как минимум Богом, когда нес трясущегося ребенка к бурному празднеству. Первым меня заметила пожилая пара, которая даже не пыталась скрыть отвращение от такой картины. Не было ни аплодисментов, ни благодарностей.

Но как только я вошел в дом, за мной показался взволнованный Игнат. Он выхватил у меня ребенка и начал говорить что-то на английском, что-то успокаивающее. Так вот, чье это грехопадение. Я мог бы догадаться, что мальчик захочет зацепить бабушку. А если африканский ребенок не повод для недовольства светлолицых снобов, то что это?

Служанка предложила мне пройти в гостевую комнату, чтобы принять душ. Я, конечно, все понимаю, но нельзя так педантично относиться к обычной нефilterованной воде. Однако я чувствовал повисшее смущение и удалился, чтобы позволить семье собраться и поблагодарить меня за спасение.

Честно говоря, их ванная была куда больше моей скромной квартирнки. Я не стал торопиться, расположился удобнее, использовал несколько баночек без русской ин-

струкции на упаковке, поплескался в бархатной воде. Правда включить джакузи я так и не решился: привлекать лишнее внимание ни к чему.

В махровом халате я вернулся в комнату, где на кровати меня уже ждал очень даже привлекательный фрак. Мои собственные вещи, за которые я очень даже сильно переживал, отправились в химчистку, о чем мне сообщила служанка, ожидающая за дверью.

По домашнему персоналу и обстановке было видно, что решения в этой семье приняты одной твердой рукой – Агния. Быть ее ребенком, конечно, тот еще кошмар. Я представил себя под могильной плитой эго этой бабульки и вздрогнул. Не так уж плоха жизнь свободной пташки. Не так уж плохо самому решать что и когда делать.

В зале меня ждал Игнат, девочки нигде не было видно, как и других членов семьи. Разочарование накрыло внезапно, как удушающий воздух подмосковной электрички жарким летом. Я знал теперь, что не получу желаемого, видел это на лице Игната, такого надменного и ущемленного необходимостью благодарить меня.

– Отдаю должное твоей везучести, – прошипел он. – Умудрился оказаться в нужное время в нужном месте.

– На твоем месте я бы был менее спесивым.

Никакой агрессии. Мной двигало желание показать ему, что я не половая тряпка, я личность, хоть и не богатая, и не оригинальная. Он прищурил свои диковатые глаза, я выдер-

жал это напряжение.

– Ждешь благодарности?

– По крайней мере, он не ждет такого тона, Игнат, – Агния появилась из неоткуда, красивая и гордая, совершенно непохожая на обычных старух. – Ты оставил своего ребенка без присмотра, а он исправил твою ошибку. И хватает же наглости... В прочем, спасибо, молодой человек, – она протянула мне сухую ладонь, на мизинце блеснул перстень с небольшим квадратным янтарем. Этот камень я видел столько раз, но никогда он не был таким уместным. – Ивановы не любят долги, поэтому мы бы хотели от лица всей семьи презентовать вам этот новый костюм и, конечно, приглашение к празднику в честь вашего героизма. Все организуем в следующую субботу, если удобно. В пятницу сюда добраться живым нет никаких шансов.

Она дождалась моего кивка и прежде, чем я продолжил этот чудесный диалог, растворилась в дверях, поправляя свои короткие волосы на ходу.

Игнат молча поднялся по ступеням, а я отправился домой с бесплотными попытками унять дрожь в ногах. Я был в их доме, ел их еду, трогал их вещи. Я дышал миром, который заслуживал, удивительным миром без лишений и манер. Мне нравился его аромат...

Лучшее предложение

Как я прожил время до субботы рассказывать не буду, потому что это скорее напоминает об обыденности нашей жизни. Мне не хочется портить листы реальностью.

Ивановы жили в совершенно другом измерении. Там не было квартирлат, скидочных карт, а слово “акция” имело совершенно другое значение. Если бы только я имел возможность загадать желание до рождения, я бы попросил быть Ивановым, одним из тех рыжиков, которые прятались в своем поместье в лесу. Они озаряли мир своей свободой выбора. Поверьте, вы не имеете понятие о настоящей жизни, сидя в душном вагоне метро между гопником и бомжом. Вы, как и я, ничто. Но по велению судьбы пустое место оказалось среди скал, чтобы попытаться прикоснуться к самому прекрасному, что есть на земле, чтобы попытаться узреть истину.

Анна встретила меня со своими красными губами и орущим младенцем на перевес. С извиняющимися глазами она пригласила меня войти в сад. Погода была более, чем прекрасная. Я мог поклясться, что чуял запах сирени, хотя на дворе был вовсе не май. Их сад без украшений для прошедшего дня рождения выглядел блестяще, и я порадовался, что смог подыскать себе более ли менее приличный наряд для пикника. Я знал, что сейчас мне везет, но все люди из высшего общества видят, насколько я далек от них. Голубь сре-

ди павлинов. Чтобы как следует распушить хвост был нужен солидный капитал, коим я не обладал в силу рождения. Хитрости воровства и взяточничества были мне также чужды не по этическому соображению, а исключительно от отсутствия навыков.

Пока я ждал стакан лимонада от Анны, ко мне вышла чернокожая женщина средних лет. Я узнал в ней мать спасенной девочки по таким же жестким волосам и круглым глазам. Если можно найти ключ от квартиры, где лежат деньги, на тротуаре у твоего подъезда, то я тогда это сделал.

Большинство людей боятся ответственности, потому что это сковывает. Они и другим советуют бежать от нее, прихватив слова “я не должен, я не обязан”. Но есть и те, для кого привязанности равняются свободе. Обрастая связями, они становятся собой.

Агата была именно такой. Человек может подделать свое резюме, но не может исправить ощущение рядом с ним. Мне казалось, что я упал с разбега в пуховую подушку – вот какой была эта женщина. Если бы я только мог выбирать себе мать...

Не буду вдаваться в подробности ее благодарностей. Пожалуй, я видел в ней бедность также, как видел богатство в Игнате. Сложил дважды два. Молодой наследник заделывает ребенка пухловатой иностранке без гроша или с несколькими грошами. Представляю, в каком шоке была Агния. Хотя, учитывая то, как равнодушно она относилась к искусству

(дома не было ни одной написанной рукою картины), я мог бы рассчитывать на ее равнодушие и к этому вопросу.

Анна вернулась с подносом прямо из каноничного американского сериала. Я смекнул, что меня хотят оставить вдали от положенных почестей, умаслив без посторонних глаз.

Но все изменилось, когда вниз спустился Игнат. Если бы мне сказали, что это тот человек, которого я видел ранее, я бы перекрестился. Настоящая любовь – пятно от кетчупа на белой блузке: ее не скрыть ни расстоянием, ни манерами. Я растерялся от теплоты, которая лучилась из глаз рыжего, от нежности. Более того, я был уверен, что его выбор привязанности самый правильный для мужчины, желающего крепкого семейного очага. Жаль, я не из таких. Но даже я приклоняюсь перед тем, что выше меня самого, выше времени и обыденности. И это не только деньги.

Мы поздоровались, холодно, как и всегда. Потом повисла неловкая пауза. Я решил, что пора бы сыграть по-крупному, иначе эта встреча станет последней.

– Спасибо за внимание, конечно. Но я считаю, что наше знакомство затянулось. Вам, – я повернулся к Игнату, рассчитывая, что при жене он спрячет свое высокомерие. – оно удовольствие не доставляет, а мне надоело быть в тягость. Пожмем друг другу руки и попрощаемся?

У меня в голове зрел отличный план по несчастному случаю, где им придется не просто сделать меня своим знакомым, а оставить гостем в прекрасном особняке прямо под

столицей.

– Молодой человек, – голос Агнии сбил с меня напущенное равнодушие. Я вздрогнул. – Зайдите ко мне в кабинет.

Помните ли вы себя, плетущегося за учителем на казнь к завучу? Я нет, потому что был прелестным мальчуганом с высокой успеваемостью. А вы ждали трагичную историю? Увы.

Она открыла тяжелую дверь своим длинным ключом, а потом жестом пригласила меня внутрь. Я хотел бы сказать, что увидел красное дерево и пишущую машинку (винтажную, конечно), возможно, рояль. Но это была самая обычная комната, больше похожая на офис, чем на библиотеку. Компьютер там был не фруктовый, минимальные украшения, никаких рамок с фото, цветов, дорогих изданий. Разочарование года.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – она обошла стол и по-хозяйски опустилась на офисный стул. – Думаю, такая обстановка вам куда ближе нашей гостиной. – я хотел возразить что-то умное, она подняла руку в знак молчания. – Я хорошо знаю такой сорт людей, как вы. Слишком хорошо, пожалуй, чтобы не замечать, как открывается ваш рот при виде моей внучки Вероники и всей нашей своры. Однако вы все еще здесь.

Я вопросительно поднял брови. Играть с этой женщиной в святую невинность, что жарить просроченную курицу, надеясь на отсутствие поноса после. И тут она предложила мне

сделку, которая навсегда разделила мой мир на “до” и “после”.

– Мне нужен продажный тип в доме. Такой, который не чурается постукивать, подмигивать. Вы, очевидно, из таких.

Я смотрел на нее максимально пронзительно, не отрицал, не соглашался.

– Вы хотите прикоснуться к другому миру? Пожить в удовольствии? Написать давно задуманный роман? – она прищурилась. – О! У вас нет творческой жилки. Конечно. Тем более далека от вас вся наша роскошь.

Она смирила меня своим грубым, безучастным взглядом. Кажется, я был приступом эпилептика, вскрывшимся чирием, вросшим ногтем. Но неведомая сила заставляла эту роскошную старушку сидеть со мной в одном помещении как бы трудно ей это не давалось.

– Мне нужен тот, кто станет моими ушами и глазами. В вас, молодой человек, я вижу перспективу беспринципности. Это так?

Я скитался взглядом по ее нежной, матовой коже. Коварство, бьющее в грудь, могло бы ранить кого-то более романтического. Но я не отличался тонкой душевной организацией. Более того, я боялся потерять тот шанс, который мог привести меня прямо к пьедесталу.

– Да.

Агния улыбнулась и на ее тонких губах в дорогой незаметной помаде я увидел легкие складочки. Так я стал непо-

нятно кем в жизни Ивановых.

Пояснительная бригада. Одна старушка заимела большую семью при солидном капитале. И если москвичей сгубил квартирный вопрос, то эту подмосковичку захлестнул наследственный. Была ли это мания? Нет. Чем больше у вас денег, тем меньше близких. Увы и ах, такова жизнь. Мне была странна забота о том, что ты не унесешь с собой в могилу, но вполне возможно, у Агнии были основания полагать, что деньги ее до могилы не дотянут и будут растасканы еще при жизни. У меня не было ни того, ни другого, поэтому мне было глубоко плевать на мотивы старой мегеры. Это был мой шанс стать кем-то большим, чем линейный персонал умирающего издательства.

Я согласился. А когда покинул кабинет госпожи Ивановой увидел сцену прямиком из телесериала на канале Россия. Многоуважаемая Агата со своим мужем ворковала где-то в коридоре и вот, что я услышал:

– Ты всегда был у меня. Еще до нашего знакомства я так в тебя верила, что прикрывалась этим щитом от всяких неурядиц. И смотри, ты со мной вопреки всему.

Ее темные округлые плечи неуверенно вздрогнули, а ржавый мужчина тронул ее подбородок и обнял. Вы бы почувствовали умиление от таких чувств, но я был куда более циничным.

Любви и чувственности я предпочту шелест купюр и удовольствие.

Новое начало

На следующий день ко мне приехал серьезный дяденька в дорогом костюме. Естественно, с водителем. Своей холодной и уверенной рукой он разложил передо мной бумаги, объясняя, что для чего мне нужно подписать. Договор о том, договор о сем. Мои обязанности, моя зарплата. На последнем пункте я почувствовал укол удовлетворения: о таком гонораре я и не мечтал. 150 тысяч – сущая мелочь для госпожи Ивановой, поставленная наобум, как мне показалось. Премирование за ценные сведения. Питание за счет компании, ДМС и много других приятных слов. Для всех я буду помощником госпожи Агнии, что нисколько не ущемляло мое эго. Я буду гулять по семейству Ивановых свободно, а там, вдруг, я таки встречу Веронику после неожиданного поворота.

Уволиться из издательства не составило труда. Я не был отличным сотрудником, я был серой офисной стеной, которую перестали замечать. Никаких привычных отработок не потребовалось. Все вздохнули с облегчением.

А я рванул в новую реальность. Как-то давно я прочитал высказывание о легкости понедельников для тех, кто любит то, чем занимается. Теперь я понял, теперь я знал.

Это было восхитительное утро с запахом отживающего лета, чуть сонное, но приятно теплое. Я взял завтрак в известной кофейне с медузой Горгоной на логотипе, потому

что теперь могу себе это позволить. Хотя каждый день. Позволю себе и лирическое отступление. Что вы знаете о московской любви к кофейному напитку? Думаете, это модно, это престижно? Но кофе – это религия мегаполиса, его обезболивающее, чтобы переносить бесконечный стресс бодро, чтобы украсить дорогу, в которой все мы постоянно находимся, чтобы иметь силы встать после очередного падения. Нет, кофе – это не часть образа. Здесь это единственный способ вкусного выживания. И во мне его было достаточно, чтобы взбодрить маленькое государство.

Но как всегда новый день – новое приключение. В офисе, где я должен был находиться, все и каждый стояли на ушах. Агния, полная жизни бабуля с крепкой рукой, работающей в спортзале больше некоторых атлетов, слегла. Я был вне себя от злости. Только не это, только не моя надежда на приличную жизнь.

Я взял такси и рванул в особняк Ивановых. Притворился расстроенным, но потом увидел уже знакомого мне дедулю, копию Алика Болдуина. Он кивнул мне в сторону кабинета и там, мне стало яснее происходящее.

– Вас, молодой человек, наняли не просто так. Моя бывшая супруга отличалась проницательностью. А теперь врач подтвердил нам, что ее пытались отравить. Но кроме нашей семьи, делать это некому.

Я приподнял бровь, ведь он говорил о пока еще живой даме в прошедшем времени. Бывший муж? Немудрено. Вос-

хищаться сильными женщинами издалека, прославлять их – да. Но вот жить с такими – нет, спасибо. И дело тут не в уязвленной гордости. Просто как двум женщинам не место на одной кухне, так же двум мужчинам не место во главе одного бюджета. Опасно самостоятельные и умные, с ними не получится играть в героя. Ведь она знает и про неудачные вложения, и про неправильный расчет. И она обязательно скажет об этом, ведь как еще можно исправить свою ошибку? Но признать себя неидеальным в глазах женщины – страшное оскорбление.

– А откуда вам известны условия... – он прервал меня своей насмешливой, но такой обаятельной улыбкой. К сожалению, он мне нравился, абсолютно не стараясь добиться этого. Как такое раздражает.

– Мы были ужасной парой, но отличными друзьями. Нет того, что мне неизвестно об Агнии, – я бы хотел увидеть хоть немного грусти в его глазах, но там были сложно читаемые огонечки, которые могли значить что угодно. – Я хочу спросить вас, готовы ли вы в случае необходимости, преступить законные методы?

– Между нами есть договор, вы забыли.

– Между нами ничего нет, – он скрестил пальцы, на его мизинцы блеснул бриллиант, аккуратно опоясанный короной из платины. – Никаких бумаг и условностей. То, что ты подписал и, я уверен, сложил в какую-то офисную папку, чтобы спрятать в старом советском шкафу – просто листы,

чернила на которых исчезают спустя 24 часа.

Я весь дрожал от гнева. От его правоты. Варианты, варианты, варианты! Что еще я мог бы ему сказать? Добегался за воздушными замками.

– Не переживай. Если ты будешь вести себя корректно, ты будешь получать свои деньги. Естественно, за опасность я накину тебе процент, – его глаза блеснули. – Да или нет?

Что вы бы ответили на моем месте?

В течении часа я получил полное представление о своих владениях, о людях, за которыми буду следить.

Виктор Иванов – мой новый работодатель, седовласый владелец нескольких заводов, консалтинговой компании, ресторана и т.д. и т.п.

Агния Иванова – слегшая бабуля с деловой хваткой, которой бы позавидовал любой мужчина.

Игнат Иванов – уже знакомый псевдо-богема.

Мария-Антуаннета – его африканская жена.

Жасмин – спасенная мною девчонка.

Александра Иванова – старшая дочь, пока еще темная лошадка, замужем.

Артур Бурмистров – счастливый муж Александры. «Хороший парень,» – как его описывают все, по словам Виктора.

Анна – дочь Артура и Александры, ее мы уже знаем и очень даже пристойно.

Кирилл Коновалов – муж Анны и отец двух их малоинтересных детей. Он был типичный городским дровосеком с хо-

рошим чувством юмора и стеснительной натурой. Собственно поэтому, мы пока еще не виделись.

Екатерина Иванова – разведенная дочь Виктора и Агнии, тоже мне неизвестная, но судя по комментариям отца, страдает алкогольной зависимостью.

Михаил Рублев – бывший муж Екатерины. Умный, прощительный и харизматичный сукин сын (по словам Виктора).

Вероника Иванова – огонь моих чресел, юная и прекрасная чертовка с самоуверенными глазами, дочь Михаила и Екатерины.

Григорий Иванов – ее брат, на ПМЖ в Лондоне.

Читать надо истории, а не выводы. Приучайте себя к этой мысли прежде, чем соберете библиотеку из книг «Как стать богатым или почему никогда не нужно смотреть через стекло». Я вытянул золотой билет, потому что имел накаченные мышцы в черепе. А это продукт не всякого маркетингового хлама, это итог многих великолепных строк и удивительных обстоятельств, которые порождают в вас самую главную суперспособность – думать.

Ивановы стали мне ближе. Спустя несколько недель слежки я понял, что мою работу теперь вполне можно назвать сносной. Я научился пить коктейли и не посматривать на часы, играть в гольф, регби и смеяться над нерадивыми маклерами. Но приятнее всего был мой начинающийся флирт с Вероникой Ивановой, ржавой принцессой столичного рая. Ей

нравилось сводить с ума взрослого мужчину, а мне льстило ее внимание даже в таком формате. Однажды она вышла к завтраку в легкой кофточке без лифчика с голыми плечами. Специально села рядом со мной и припустив густые ресницы спросила:

Боишься меня?

Как отвесной скалы, на которую несусь с разбега, – ответил я.

Если бы я был романтиком, то хотел бы от нее нечто большего, чем утоления мимолетной страсти. Но я им не был. Да поймут меня все мужчины, она не та, на ком можно жениться, но именно из-за таких особ мы штурмуем города и предаем всех, кто был нам верен.

Я считал ее Маргаритой, хоть и не был Мастером. Не касался ее, но покрывал бездарными стихами. Если бы только я умел писать красивые рифмы!

А потом наступил тот самый день. День, когда Виктор понял, что я стою своих денег.

«Душа моя истерит больными ранами. Столько лет... Столько лет я испытываю бесконечное, непрекращающиеся мучение. Кажется, будто я ужасно старая. Если кто-то спросит меня, какую жизнь получает богатый наследник, я не смогу описать словами. Прогнивший мир, грязный мир, полный лести и жеманства... Я ищу проклятую любовь по закоулкам вымершей пропасти, что другие называют жизнью, а натыкаюсь только на разочарование. Эти люди не способ-

ны на чувства. Слишком ветрены, слишком эгоистичны. И я мучаюсь снова и снова, потому что внутри меня океаны, заброшенные океаны нерастраченного, покрываются толстыми льдами, и я становлюсь равнодушной, как они все...»

Виктор смотрел на меня во все глаза. Мне казалось, он не знал ни подчерка, ни безумства, которое сквозило в этом послании.

– Откуда это у вас?

– Нашел в комнате Вероники.

Его бледные глаза пронзили меня бесконечной холодностью, с которой отцы смотрят на будущих зятьев. Да, я был в святая святых его внучки. Как жук рылся в каждом шкафчике, в каждом уголке. Ему, наверняка, казалось это мерзким. Но мне было все равно, ведь я нашел не просто девчачьи вещицы. А вот хотя бы это письмо, старое, потертое, выдранное из какой-то книжки или альбома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.